

АРХИВЪ

СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ВОЛКОНСКАГО, нынѣ принадлежащій внуку его кн. П. Д. Волконскому.

Письма генералъ-адъютанта (впослѣдствіи князя) И. В. Васильчикова къ кн. П. М. Волконскому.

1820 — 1821.

Кн. Петръ Михайловичъ Волконскій (р. 1776 † 1852) состоялъ при императорѣ Александрѣ I ген.-адъютантомъ, ген. отъ инфантеріи, нач. главн. штаба, членомъ госуд. совѣта, а впослѣдствіи, при императорѣ Николаѣ, былъ фельдмаршаломъ и министромъ импер. двора и удѣловъ. Илларионъ Васильевичъ Васильчиковъ, впослѣдствіи графъ и князь, род. также въ 1776 г., умеръ въ 1847 г. Это былъ одинъ изъ извѣстныхъ генераловъ въ 1812 г. и потомъ долго командовалъ гвардейскимъ корпусомъ. Въ царств. Николая I Васильчиковъ съ 1838 г. по самую кончину предсѣдательствовалъ въ государственномъ совѣтѣ и комитетѣ министровъ. Подлинники его писемъ къ князю Волконскому писаны на французскомъ языкѣ. Печатаемъ ихъ въ возможно близкомъ переводѣ; при этомъ опускаемъ изъявленія чувствъ въ концѣ писемъ да нѣкоторыя частности, неимѣющія общенсторическаго интереса. Сообщеніемъ настоящихъ бумагъ, равно какъ нѣкоторыхъ другихъ документовъ изъ архива свѣтлѣйшаго князя П. М. Волконскаго, мы обязаны просвѣщенному сочувствію къ нашему изданію—внука князя П. М.—кн. П. Д. Волконскому. Переводъ принадлежитъ М. К. Жерве.

На стр. 533—548 «Русской Старины» т. IV-го помѣщенъ одинъ изъ современныхъ событію рассказовъ о возмущеніи семеновскаго полка. Давая ему мѣсто въ нашемъ изданіи,—единственно лишь въ видахъ всесторонняго разслѣдованія дѣла, давно перешедшаго въ область историческихъ фактовъ—мы тогда-же оговорились—что «рассказъ написанъ пристрастно и очевидная глѣбъ его оправдать преступленіе семеновцевъ». Въ особенности рѣзки и несправедливы отзывы неизвѣстнаго автора (говорятъ, что то былъ Рылѣевъ) о Васильчиковѣ и друг. лицахъ, о чемъ мы своевременно отмѣтили (стр. 533) и обѣщали представить документы, рисующіе Васильчикова въ другомъ свѣтѣ. Документы—предъ читателями: это рядъ интимныхъ писемъ начальника гвардейскаго корпуса, писанныхъ въ самый разгаръ семеновской исторіи къ кн. Волконскому, другими словами къ государю, такъ какъ очевидно каждое письмо

Иларіона Васильевича было читано или содержание его догадывалось императору Александру Павловичу. Въ этихъ важныхъ историческихъ документахъ ярко очерчивается мягкій характеръ Васильчикова, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей царствованія императора Александра I. По прочтеніи писемъ дѣлается очевиднымъ, что рассказъ — приписываемый Рылѣву — во многомъ основанъ на слухахъ, а главное вытекалъ изъ сильнѣйшаго и несправедливаго предубѣжденія противъ Васильчикова; каковое предубѣжденіе однако, какъ видно изъ свидѣтельства самого Иларіона Васильевича, раздѣляла съ авторомъ весьма значительная часть петербургскаго общества (см. ниже во многихъ мѣстахъ писемъ и особенно письмо XII). Скажемъ болѣе, если рассказъ дѣйствительно принадлежитъ извѣстному пылкому агитатору, то дѣлается понятнымъ и его тонъ, характеръ изложенія и желаніе воспользоваться совершившимися фактами для возбужденія умовъ. Рассказъ является какъ бы прокламаціей, которая въ свое время ходила по рукамъ и читалась при тогдашнемъ настроеніи умовъ, съ любопытствомъ и полною вѣрою.

Послѣ описываемыхъ событій прошло болѣе полулѣтъ—и мы теперь, стоя въ всякихъ пристрастія и увлеченій,—имѣя единственную цѣль разслѣдованіе исторической истины,—и можемъ, и должны—выслушивать свидѣтельства разныхъ сторонъ, нерѣдко вполнѣ другъ другу враждебныхъ; по крайней мѣрѣ такова задача «Русской Старины» и ей наше изданіе служить и будетъ служить неуклонно.

Ред.

I.

26-го августа 1820 года.

Я получилъ ваше письмо, мой дорогой другъ, и вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе о дурномъ направленіи духа нашего вѣка, и объ осторожности, вполнѣ необходимой при трудномъ положеніи, въ которомъ находятся правительства: вѣрьте однако, что мы далеки отъ опасенія чего-либо въ настоящую минузу; нельзя относиться къ нѣкоторымъ рѣчамъ легкомысленной молодежи, какъ къ симптомамъ дурнаго настроенія умовъ: говорить, говорили и будутъ говорить; дѣло состоитъ въ томъ, чтобы открыть вредныхъ людей и, если таковые найдутся, отдалить ихъ безъ всякаго шума; главнымъ же образомъ остерегаться увеличенія или уменьшенія строгости: то и другое можетъ быть объяснено, какъ признаки боязни, между тѣмъ какъ всего менѣе слѣдуетъ обнаруживать малѣйшее безпокойство. Могу вамъ поручиться за совершеннѣйшее спокойствіе въ настоящее время. Каждый день стрѣляютъ въ цѣль. Я назначаю на завтра смотръ застрѣльщикамъ измайловскаго и егерскаго полковъ; сегодня утромъ я осмотрѣлъ полки 1-й дивизіи; они прекрасно прошли тихимъ шагомъ, особенно 1-я бригада. Я опрашивалъ всѣ роты и не было ни малѣйшей жалобы. Вы мнѣ пишете о двухъ офицерахъ гренадерскаго полка: они были арестованы полковникомъ Стюрлеромъ, а не мною; то была ошибка въ рапортѣ моей канцеляріи. Но вы увидите также изъ рапорта коменданта, что я арестовалъ обоихъ графовъ Ливена и Бибикова, адъютанта семеновскаго полка; двухъ первыхъ

41*

за произведенный ими шумъ съ полицейскимъ офицеромъ въ католической церкви, а Бибикова—за то, что онъ осмѣлился настойчиво требовать отъ инженернаго департамента объ устройствѣ шеволы для полевыхъ барабанщиковъ, между тѣмъ какъ даже начальникамъ полковъ приказано всѣ просьбы подавать не иначе, какъ чрезъ мой штабъ; впрочемъ, такъ какъ Бибиковъ хорошій малый, то взисканіе послужить ему въ пользу: оно укажетъ ему его мѣсто.

31-го сего мѣсяца, мой другъ, я ѣду въ Тверь, гдѣ разсчитываю остаться нѣсколько недѣль; я осмотрю мимоѣздомъ егерскій полкъ, и также моихъ улановъ, которые въ отчаяніи, что ихъ офицеры не получили благодарности; я вамъ говорилъ объ этомъ въ одномъ изъ моихъ писемъ, но вы мнѣ ничего на это не отвѣчали.

Прощайте, мой другъ. Повторяю еще разъ, будьте спокойны, я на сторожѣ и ручаюсь, что ничего серьезнаго у насъ въ настоящую минуту произойти не можетъ. Преданный другъ вашъ Л. Васильчиковъ.

II.

3-го сентября 1820 года.

..... Надѣюсь, что я покончилъ съ одной исторіей въ измайловскомъ полку, происшедшей по глупости генерала Мартынова, въ сущности добраго малаго, но очень глупаго. Великій князь, замѣтивъ, что нѣкоторые изъ офицеровъ дурно маршируютъ, приказалъ генералу Мартынову заставить ихъ учиться и послѣдній, дѣйствительно, довольно грубо приказалъ имъ маршировать на плацу, въ присутствіи солдатъ, что, конечно, офицеровъ оскорбило до такой степени, что они рѣшились подать въ отставку. Будучи увѣдомленъ объ этомъ, я поручилъ нѣсколькимъ лицамъ ихъ предупредить, что такой поступокъ будетъ дурно принятъ и пусть подумаютъ о томъ, что они дѣлаютъ. Сегодня утромъ я призвалъ къ себѣ тѣхъ изъ офицеровъ, которые, по наведеннымъ мною справкамъ, имѣютъ наибольшее вліяніе на другихъ, и говорилъ имъ съ твердостью, доказывая, что если бы даже они имѣли основательныя причины къ неудовольствію, то, во всякомъ случаѣ, образъ дѣйствій ихъ совершенно неприличенъ, и увѣрялъ, что это кончится для нихъ дурно. Мнѣ кажется, что я подѣйствовалъ на нихъ; но если, несмотря на это, просьбы объ отставкѣ поданы, я ихъ удержу въ моей канцеляріи до возвращенія его императорскаго величества, и мы увидимъ, что надо будетъ дѣлать. Впрочемъ, мой другъ, все спокойно; даже эта исторія не произошла бы, если бы дѣйствія Мартынова были не очень грубы; нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо необходимо быть осмотрительнымъ въ выборѣ начальниковъ полковъ; возможно ли требовать, чтобы глупецъ, безъ воспи-

танія, въ состояніи былъ начальствовать офицерами; особенно же въ полкахъ, которыми командуютъ великіе князья, порядочные люди необходимы, иначе невозможно избѣгнуть исторій, которыя въ сущности ничего не значатъ, но все-таки было бы лучше, еслибъ онѣ не совершались. . . . . Л. Васильчиковъ.

(Отвѣтка кн. Волконскаго: «отвѣчалъ 11 сентября 1820 г.»).

III.

5-го сентября 1820 года.

Исторія, происшедшая въ измайловскомъ полку, о которой я, мой другъ, сообщалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ—окончена; генераль Мартыновъ поступилъ разумно: узнавъ, что я объявилъ офицерамъ въ разговорѣ, о которомъ я вамъ сообщилъ, что они будутъ строго наказаны, если осмѣлятся всѣ подать въ отставку,—Мартыновъ передалъ имъ чрезъ своего адъютанта, что, не желая дѣлать ихъ несчастными, онъ самъ рѣшился выдти изъ поля. Дѣйствіе, которое произвели эти слова, доказываетъ прекрасное настроеніе войска: адъютантъ возвратился къ генералу со слезами, говоря, что всѣ офицеры умоляютъ генерала не дѣлать этого, такъ какъ они чувствуютъ, что имъ было-бъ невозможно оставаться на службѣ, иначе какъ подъ его начальствомъ, и наконецъ просили позволенія къ нему явиться. Мартыновъ призвалъ офицеровъ и далъ имъ почувствовать всю неблагопрістойность ихъ поведенія въ отношеніи къ нему; они согласились съ нимъ и обѣщали удвоить усердіе къ службѣ, прося, если онъ признаетъ это нужнымъ, поступать съ ними вдвое строже. Вотъ совершенно оконченная исторія, которая ясно доказываетъ, насколько духъ нашего народа и нашей арміи превосходитъ духъ всей Европы; порадуемся, мой другъ, тому, что мы родились русскими, и да сохранимъ насъ небо надолго такими какъ мы есть. . . . . Л. Васильчиковъ.

(Отвѣтка кн. Волконскаго: «получ. 16, отвѣч. 18 октября 1820 г.»).

IV.

8-го октября 1820 года.

Я получилъ ваше письмо отъ 11-го сентября, дорогой другъ, въ Твери, и вотъ почему опоздалъ отвѣтомъ; мнѣніе ваше, относительно исторіи измайловскаго полка, требуетъ разсмотрѣнія. Я держусь правила, что когда молодые люди намѣреваются дѣлать глупости, нужно начать съ того, что объяснить имъ дѣло, а потомъ уже прихлопнуть, если они не поддаются на увѣщанія. Вы говорите, „что не слѣдуетъ обращать вниманіе на такихъ людей, которые рѣшаются осуждать поведеніе своихъ начальниковъ“; но гдѣ-же найти людей, которыхъ можно было бы вести по звуку барабана, не давъ имъ вре-

мнѣ пораазмыслить о томъ, что ихъ заставляютъ дѣлать? Повѣрьте мнѣ, не будемъ заходить слишкомъ далеко съ нашими правилами строгости; единственное средство хорошо служить нашему монарху—требовать только разумнаго, и тогда уже наказывать безъ всякаго милосердія тѣхъ, которые рассуждаютъ; но если начальники позволяютъ себѣ обращаться съ офицерами, какъ съ денщиками, не щадя ихъ самолюбія, то очень просто, что они оскорбляются; это я непрестанно повторяю нашимъ полковымъ командирамъ; всѣ меня понимаютъ, за исключеніемъ тѣхъ, дальновидность которыхъ въ военномъ отношеніи ограничивается вытягиваніемъ носковъ солдатъ. Что касается до сравненія, которое вы проводите между нашимъ взглядомъ на дѣло со взглядомъ нынѣшнихъ молодыхъ людей, то причину такого явленія надо искать въ различіи времени: не многіе изъ насъ читали тогда газеты, никто не говорилъ о политикѣ, служили утромъ и веселились вечеромъ; теперь же Петербургъ сдѣлался монастыремъ, который вполне подходитъ къ людямъ нашего возраста, но—въ высшей степени скученъ для молодежи. Что вы хотите, чтобы молодые люди дѣлали цѣлый день? очень просто, что они ищутъ въ томъ, что происходитъ вокругъ ихъ, матеріалъ для занятій; вслѣдствіе этого и возникаютъ разсужденія о политикѣ, идеи о конституціи, которыя ни къ селу ни къ городу, и разборы того, что отъ нихъ требуется. Вѣрьте, мой другъ, хорошій выборъ полковыхъ командировъ, разумная строгость и развлеченія для офицеровъ, надолго обезпечать то спокойствіе, которымъ мы пользуемся въ настоящее время.

Служба идетъ у насъ своимъ чередомъ; всѣ полки заняты и все погружено въ замѣчательную тишину. Бенкендорфъ послалъ вамъ отвѣтъ относительно тѣхъ замѣтокъ, которыя вы мнѣ прислали; вѣрьте, что я ничего не пропущу предосудительнаго, но прежде, нежели повѣрить донесеніямъ полиціи, я люблю убѣдиться въ истинѣ. . . . .
 . . . Васильчиковъ.

(Отмѣтка кн. Волводскаго: «получ. 19, отвѣч. 22 октября 1820 г.»).

V.

Петербургъ, 15-го октября 1820 года.

Весьма вѣроятно, что маленькая исторія, происшедшая между Бенкендорфомъ и Пиршемъ, могла дойти до васъ другими путями, поэтому я вамъ и сообщу ее со всѣми подробностями. Во время моего отсутствія, Бенкендорфъ имѣлъ разговоръ съ полковникомъ Пиршемъ по поводу офицеровъ его полка; онъ сказалъ ему, что всѣмъ начальникамъ необходимо знать общества, посѣщаемыя офицерами, и если ему нужна его помощь, то онъ ее предлагаетъ: стоять-

ему, Пиршу, прислать списокъ тѣхъ офицеровъ (если бы нашлись таковыя), за которыми онъ найдетъ нужнымъ наблюдать. Пиршъ же утверждаетъ, что онъ понялъ такъ, что Бенкендорфъ требовалъ отъ него записку въ формѣ рапорта и потому отправилъ Бенкендорфу письмо, въ которомъ высказалъ ему, что во время правленія монарха подобнаго нашему, личностей, подобныхъ Quigoga и Piré, существовать не могутъ и что онъ отвѣчаетъ за направленіе своихъ офицеровъ. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія вести съ нимъ переписку, что же понимается, почему тотъ говоритъ въ своемъ письмѣ про Quigoga, такъ какъ въ разговорѣ между ними вопросъ былъ только о томъ какъ предохранить молодежь отъ вредныхъ обществъ. Нѣсколько дней спустя, Бенкендорфъ узнавъ, что въ городѣ говорятъ о его перепискѣ, послалъ за Пиршемъ и изъявилъ свое неудовольствіе за его нескромность; послѣдній поклонялся, что онъ, кромѣ великаго князя, въ присутствіи Бюбьева, никому письмо его не показывалъ, и когда Бенкендорфъ замѣтилъ, что онъ очень худо поступилъ, Пиршъ возразилъ, что не знаетъ, какія его обязанности въ такомъ случаѣ относительно главнаго штаба. На это Бенкендорфъ съ твердостью отвѣчалъ, что если онъ ихъ не знаетъ, то онъ ему ихъ укажетъ: начальникъ штаба приказывается, а Пиршъ долженъ повиноваться; съ этими словами они разстались.

Узнавъ по моему призыву объ этой исторіи, я послалъ за Пиршемъ, и далъ ему почувствовать неприличіе его поведенія; онъ признался, что въ отчаяніи о томъ, что написалъ; онъ чувствуетъ, что не хорошо понялъ, что Бенкендорфъ требовалъ отъ него, и что ему слѣдовало безъ всякой переписки придти самому и объясниться съ нимъ; что генералъ Бенкендорфъ дурно понялъ его отвѣтъ на упрекъ въ томъ, что имъ, Пиршемъ, было показано письмо Бенкендорфа великому князю; что онъ сказалъ ему, что тоже имѣетъ обязанности по отношенію къ его императорскому высочеству, такъ же какъ и къ начальнику штаба; что онъ въ отчаяніи отъ всего случившагося и отчаяніе его было бы еще больше, если бы я сталъ приписывать все это другимъ побужденіямъ, кромѣ недоразумѣній. Я отвѣтилъ, что если бы считалъ возможнымъ приписывать это столкновеніе чему-либо другому, кромѣ непохвальной неосторожности, я и двухъ минутъ не остался бы съ нимъ служить; но, въ виду занимаемаго имъ поста, я въ правѣ требовать отъ него болѣе обдуманности въ поведеніи, и что я надѣюсь не быть болѣе вынужденнымъ еще разъ это повторять.

Я твердо убѣжденъ, что все это произошло отъ недоразумѣнія и отъ самолюбія писавшаго; но что мнѣ не нравится — это глас-

ность случая, и потому безъ всякаго шума я постараюсь узнать, что дало къ тому поводъ. Что касается до дѣла офицеровъ конноегерскаго полка, то я самъ разбираю его; не стоить даже говорить объ этомъ, и эти свиньи напумѣли только для того, чтобы имъ заплатили больше денегъ: офицеры гуляли по улицѣ; двое изъ этихъ негодяевъ, полупьяные, стали забавляться тѣмъ, что проходили между офицерами, толкая ихъ; офицеры не нашли это забавнымъ и побили ихъ. Я все-таки сдѣлалъ строгій выговоръ г. Потапову за то, что онъ скрываетъ это отъ меня; офицерамъ также былъ сдѣланъ строгій выговоръ; но такъ какъ все было кончено, поколоченнымъ — заплачено и тѣ остались довольны, то я не нашелъ нужнымъ начинать дѣло снова. Генералъ Потаповъ подавъ поводъ къ неприятой исторіи въ полку: на одномъ ученьи, онъ забылся до такой степени, что наговорилъ грубостей офицерамъ; послѣдніе справедливо оскорбились и жаловались мнѣ. Потаповъ почувствовалъ свою вину и говорилъ съ ними въ этомъ смыслѣ; къ моему проѣзду чрезъ Новгородъ, совершеннѣйшее спокойствіе было восстановлено. По такимъ-то именно случаямъ и можно судить о духѣ общества офицеровъ и я могу васъ увѣрить, что онъ превосходенъ; я буду ждать вашего отвѣта, дорогой другъ, чтобы исполнить приказаніе, коорое получилъ объ арестованіи офицеровъ этого полка; они, по моему мнѣнію, виноваты только въ томъ, что поколотили пьяницъ. Все у насъ совершенно спокойно, служба идетъ своимъ чередомъ, полки занимаютъ много. . . . .

Л. Васильчиковъ.

(Отвѣта кн. Волконскаго: «получ. 25 октября, отвѣч. 30 октября 1830 г.»)

VI.

Я не писалъ вамъ съ послѣднимъ курьеромъ, дорогой другъ, потому что не имѣлъ времени, будучи принужденъ писать прямо къ государю. Бываютъ обстоятельства въ жизни, которыя самый осторожный человѣкъ не можетъ предвидѣть: все что произошло у насъ *) замѣчательно только по тому дѣйствию, которое это обстоятельство имѣетъ на настроеніе умовъ; ложные слухи, сплетни слѣдуютъ одна за другой; новости, болѣе или менѣе странныя, переходятъ изъ залъ въ переднія и, естественно, распространяются по городу; словомъ, это такое положеніе дѣлъ, которое не должно продолжаться и одно только возвращеніе государя можетъ утишить господствующее волненіе. Войска спокойны; служба идетъ по прежнему; не всѣ солдаты и особливо офицеры негодуютъ; они жалуютъ своихъ товарищей; сожалеютъ о нихъ и

*) Т. е. возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи семеновскаго полка. См. объ этомъ событіи въ «Русской Старинѣ» т. IV стр. 533—548.

надѣется на милосердіе государя; но важнѣе всего то, чтобы ничего не рѣшать до возвращенія его величества; тѣмъ легче отложить рѣшеніе этого дѣла, такъ какъ судъ еще не конченъ. Весьма естественно, что государь захочетъ узнать дѣло во всѣхъ подробностяхъ прежде, нежели его рѣшить.

Вамъ вѣроятно извѣстно, что ббольшая часть города клонится въ снисхожденію относительно семеновскаго полка; что до меня, то я полагаю и твердо убѣжденъ, что духъ полка слишкомъ дуренъ, чтобы оставить его въ Петербургѣ; раскассировать его было бы мѣроу, которая произведетъ слишкомъ много шума и представитъ дѣло болѣе серьезнымъ, нежели каково оно есть; походъ же въ Грузію прикинулъ-бы дисциплину съ милосердіемъ. Впрочемъ, возвращеніе государя, котораго всѣ ждутъ съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, дастъ возможность взвѣсить необходимыя мѣры и хорошенъко обсудить то, что произошло . . . . . Л. Васильчиковъ.

VII.

Спб., 5-го ноября 1820 г.

Въ полкахъ все спокойно, мой другъ; бумага, которую полиція отерпала, не произвела никакого дѣйствія и не проникла въ казармы, такъ какъ еще надо доказать, дѣйствительно ли фельдфебель имѣлъ ее въ рукахъ, или это плутовство писаря, подкупленнаго полиціею; все объяснится по дознанію, которое производится. Болтовня и сплетни продолжаютъ въ городѣ, но я уже вамъ говорилъ, что только возвращеніе государя можетъ ихъ прекратить. Вы увидите изъ моего донесенія, что второй баталіонъ не весь еще прибылъ въ Свеаборгъ; два судна были отброшены въ Ревелю; я рѣшился солдатъ размѣстить въ этомъ городѣ, въ виду рановременна наступившей зимы, которая не позволяетъ теперь перевести ихъ въ Свеаборгъ; я принялъ необходимыя мѣры для ихъ помѣщенія, равно какъ и о прокормленіи, и послалъ туда Шепинга, чтобы все устроить съ властями. Третій баталіонъ совершенно спвоенъ въ Кексгольмѣ, также какъ и первый—въ здѣшней крѣпости; число больныхъ увеличивается, но мы приняли всевозможныя мѣры какъ относительно госпиталя, который тамъ устроенъ, такъ и объ очищеніи воздуха въ казематахъ. Военный судъ продолжаетъ работы и не можетъ быть закрытъ раньше трехъ недѣль, а это и есть время, около котораго мы надѣемся дождаться приѣзда его императорскаго величества, и только тогда представится возможность рѣшить дѣло семеновскаго полка.

Я только при настоящемъ случаѣ ближе узналъ Закревскаго, и долгому считаю отдать ему полнѣйшую справедливость, какъ

его образу мыслей, такъ и дѣятельности, которыми онъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ; вы, конечно, понимаете, мой другъ, что это не рекомендательное письмо; но, зная вашу дружбу къ Закревскому, я очень радъ, что этотъ человекъ вполне ей достоинъ.

Оканчиваю изъясненіемъ самаго искренняго пожеланія, чтобы дѣла конгресса скорѣе кончились и чтобы государь скорѣе къ намъ возвратился—это желаніе всего города. . . . . Д. Васильчиковъ.

(Отписка кн. Волконскаго: «получ. 14, отвѣч. 20 ноября 1830 г.»).

VIII.

Князь П. М. Волконскій — И. В. Васильчикову.

Несмотря на всѣ ваши увѣренія, дорогой другъ, относительно спокойствія, которое господствуетъ у васъ въ полкахъ, я все-таки не могу скрыть отъ васъ, что болтовня офицеровъ не должна быть терпима, и я несогласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что ихъ можно заставить молчать съ помощью военного суда; напротивъ легко можетъ случиться, что преданные военному суду — они будутъ признаны невиновными; судъ оправдаетъ ихъ и эти господа, вмѣсто наказанія, воспользуются этимъ и, можетъ быть, станутъ насмѣкаться надъ судомъ; между тѣмъ, какъ имѣя свѣдѣнія о словахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и убѣдившись въ истинѣ, вы призовете ихъ къ себѣ съ цѣлью сдѣлать имъ внушеніе, побранить ихъ и заставить ихъ помять всю неблагоприспособленность и вредъ ихъ разсужденій; вмѣстѣ съ тѣмъ, вы запишете имена ихъ и пришлете ко мнѣ, чтобы я могъ тотчасъ же ихъ уволить; я полагаю, что это произведетъ болѣе дѣйствія и уменьшитъ число негодяевъ и говоруновъ. Передъ полученіемъ вашего письма я уже писалъ графу Милорадовичу съ курьеромъ, о соблюденіи тайны во всемъ, что касается секретныхъ дѣлъ полиціи и о бдительности, которую необходимо соблюдать, чтобы они не проникали въ публику.

Я очень удивленъ, что вы ни слова не пишете относительно арестантъ-офицера гвардіи егерскаго полка (Стенана Гуцегозова), который заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость за разговоры, веденные имъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, музыкантомъ преображенскаго полка, о происшествіи въ семеновскомъ полку и о томъ, что если не возвратятъ арестованныхъ баталіоновъ, то „они докажутъ, что революція Испаніи ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что они сдѣлаютъ.“ Его величество поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что вотъ еще большее доказательство иностраннаго подстрекательства или вліанія болтовни офицеровъ въ присутствіи солдатъ, потому что откуда же вы хотите, чтобы солдаты знали о томъ, что происходитъ въ Испаніи или въ Неаполѣ? Его величество удивляется также >

что вы ничего не сообщаете о томъ, что дѣлаеть вашъ адъютантъ, который давно уже посланъ въ Шлиссельбургъ съ порученіемъ про- извести слѣдствіе относительно нѣкоторыхъ арестованныхъ лицъ?

Примѣчаніе. Письмо безъ подписи, черновое, набросано карандашемъ, на французскомъ языкѣ, рукою кн. Волконскаго. Ред.

IX.

Васильчиковъ — кн. Волконскому.

С.-Петербургъ, 9-го ноября 1820 г.

Спокойствіе продолжаетъ господствовать у насъ, дорогой другъ; холода пренятствуютъ намъ производить ученья, но служба идетъ своимъ чередомъ.

Я узналъ нѣсколько дней тому назадъ, что между офицерами гвардіи возникъ вопросъ о подачѣ государю адреса, о помилованіи офицеровъ семеновскаго полка; я обратилъ на это вниманіе и узналъ, что мысль объ адресѣ впервые пришла поручику гвардейскаго гренадерскаго полка князю Мещерскому; что онъ по этому поводу обращался къ полковнику кавалергардскаго полка Шереметеву, но тотъ отфѣчалъ ему такъ, что Мещерскій потерялъ всякую надежду на принятіе предложенія въ этомъ полку. Мещерскій не сознается, что обращался еще къ другимъ, но я навѣрное знаю, что говорили объ этомъ въ конно-гвардейскомъ и преображенскомъ полкахъ. Первый отказался участвовать въ этомъ дѣлѣ, и меня увѣряютъ, что преображенскій полкъ сдѣлалъ тоже самое; я не потеряю этого дѣла изъ виду, но, какъ кажется, все это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Князь Мещерскій служилъ въ семеновскомъ полку; это весьма восторженный молодой человекъ, и я полагаю, что прогулка въ Грузію послужила бы ему въ пользу.

Полковникъ Шелиховъ не авторъ стиховъ, вами мнѣ присланныхъ; мнѣ кажется, что полиція ошиблась, указавъ на него; графъ Кочубей постарается дознаться до истины.

Я собралъ свѣдѣнія на счетъ Сологуба, офицера оренбургскаго уланскаго полка; этотъ бѣдняга, недовольный своимъ существованіемъ здѣсь, поѣхалъ въ Кронштадтъ повидаться съ однимъ изъ своихъ благодѣтелей, Инбергомъ, пожилымъ человекомъ, который имѣетъ сына въ отставкѣ, и съ которымъ Сологубъ подружился; онъ ни съ кѣмъ болѣе въ Кронштадтѣ не знакомъ и никого болѣе не посѣщаетъ; онъ все еще тамъ по болѣзни; командиръ прислалъ мнѣ свѣдѣтельство, которое подтверждаетъ его положеніе.

Подпоручикъ Маничаровъ, московскаго полка, офицеръ весьма лѣтний и человекъ некороновый, судя по тому, что говоритъ Фридрихсъ; онъ имѣлъ съ нимъ маленькую исторію изъ-за квартиры, которую полковникъ приказалъ уступить ротному командиру; такъ какъ объясненіе было довольно горячо какъ съ той, такъ и съ другой стороны,

то Маннчаровъ подалъ въ отставку; я не считалъ нужнымъ просить его остаться и буду ждать по этому поводу приказания его императорскаго величества.

Только-что получилъ, дорогой другъ, ваше письмо отъ 24-го ноября; я далека отъ того, чтобы терпѣть болтовню офицеровъ, но нужно также имѣть весьма точныя свѣдѣнія о томъ, что говорится, чтобы дѣйствовать, а этихъ-то средствъ намъ и недостаетъ; говорятъ многое, но еслибы добраться до источника, то никто не захочетъ признаться въ томъ, что онъ слышалъ. Большая часть собранныхъ свѣдѣній окажутся невѣрными и предпринимаемыя въ этомъ случаѣ мѣры сомнѣваются въ глазахъ вашей арміи, не приведя ни къ какому результату. Потому-то учрежденіе хорошо организованной тайной полиціи при гвардейскомъ корпусѣ есть, по моему мнѣнію, вещь необходимая. Я не считаю нужнымъ высказывать вамъ, какъ подобная мѣра мнѣ противна; но теперь таковы обстоятельства, что надо заставить молчать свои предубѣжденія и удвоить бдительность надзора. Пока мнѣ еще не удалось окончить проектъ насчетъ этого, но я вамъ непременно его пришлю съ первымъ курьеромъ.

Я еще ничего не сказалъ вамъ объ арестованіи полиціею унтер-офицера гвардейскаго егерскаго полка, такъ какъ я зналъ, что донесеніе послано было графомъ Милорадовичемъ къ его императорскому величеству; я ждалъ конца полицейскаго изслѣдованія, чтобы знать, чему придерживаться. Какъ видно, онъ былъ пьянъ и самъ не можетъ припомнить своихъ словъ; если онъ дѣйствительно говорилъ такъ, какъ изложено въ донесеніи, то это еще не было бы доказательствомъ иностраннаго подстрекательства, но скорѣе результатомъ неосторожности нашихъ офицеровъ и нашихъ русскихъ газетъ, которыя читаются въ переднихъ. Не думайте однако, дорогой другъ, что я отрицаю иностранное подстрекательство, напротивъ считаю его весьма вѣроятнымъ, и охотно бы отдалъ половину моего существованія, чтобы захватить въ руки нить дѣла; но пока еще никто не можетъ привести вѣрнаго доказательства относительно всего этого. Что касается до моего адъютанта, посланнаго въ Шлиссельбургъ, то онъ былъ тамъ только какъ депутатъ, а полиція производила слѣдствіе, и она захватила нѣсколько личностей; по поводу этого дѣла извѣстіе о слѣдствіи я получилъ отъ графа Милорадовича и, по его официальной бумагѣ, составилъ донесеніе, которое вы должны были получить; я не считалъ нужнымъ иначе вмешиваться въ слѣдствіе, какъ послать туда депутата, нисколько не желая показывать видъ, будто препятствую изслѣдованію полиціи.

Я посылаю вамъ бумагу относительно устраненія Греча отъ мѣ-

ста; мнѣ кажется, что мы очень хорошо можемъ обойтись безъ этой личности, которая пока еще не сдѣлала никакого зла, но которая могла бы его сдѣлать*); школы продолжаютъ подѣ непосредственнымъ надзоромъ начальниковъ полка и подѣ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія. Прощайте, дорогой другъ, будьте здоровы и да возвратитъ васъ скорѣе небо. Преданный вашъ другъ Л. Васильчиковъ.

(Отмѣтка руки кн. Волконскаго: «получено 24, отвѣчалъ 28 декабря 1820 г.»)

Х.

С.-Петербургъ, 11-го ноября 1820 г.

У насъ, мой другъ, все покойно, солдаты осторожнѣе въ разгарахъ въ городѣ, и служба исполняется со всевозможною исправностью. Нельзя того же сказать относительно офицеровъ: они много болтаютъ; заставить ихъ молчать посредствомъ строгаго наказанія—мѣра, которая, по всей вѣроятности, не удастся при нынѣшнихъ обстоятельствахъ; напротивъ, она возбудила бы неудовольствіе противъ произвола и привела бы къ дурному результату. Мнѣ кажется, единственный образъ дѣйствій, котораго можно бы было придерживаться, состоитъ въ томъ, чтобы записывать имена тѣхъ, которые говорятъ противъ правительства; хорошенько удостовѣряться въ правдѣ доносовъ полиціи, затѣмъ уже предавать ихъ военному суду, и строго наказывать; къ подобнымъ открытымъ дѣйствіямъ не могли бы придраться злые языки и это напугало бы крикуновъ.

Я не могу и не долженъ скрывать отъ васъ, что графъ Милорадовичъ, человѣкъ вполне преданный добру, но его нескромность пагубна; всѣ мѣры, которыя полиція предпринимаетъ, извѣстны всему городу и объ этомъ говорятъ на улицахъ, а это вѣрное средство предостеречь злоумышленниковъ и ничего не открыть; я ему нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ, и надо надѣяться, что онъ будетъ осторожнѣе. Оба корабля, которыя стояли на Ревельскомъ рейдѣ (какъ я вамъ уже упоминалъ), не сочли нужнымъ ждать приказаній, которыя мы сейчасъ же отправили, а воспользовались попутнымъ вѣтромъ, чтобы поднять паруса и отправиться въ Свеаборгъ; но мы еще не получали извѣщенія о ихъ приходѣ. Солдаты семеновскаго полка продолжаютъ вести себя хорошо—и они вездѣ покойны.

Вся публика съ нетерпѣніемъ ждетъ курьера, который, какъ полагаютъ, долженъ привезти рѣшеніе государя относительно семеновскаго полка; добрые и преданные его императорскому величеству люди надѣются, что онъ ничего не рѣшитъ до своего возвращенія, потому что они увѣрены также, какъ и я, что примѣненіе строгой мѣры не могло бы осуществиться въ его отсутствіе безъ серьезныхъ

*) Николай Ив. Гречъ былъ инспекторомъ швогъ гвард. полковъ.

затрудненій. Прощайте, дорогой другъ, да поможетъ небо государю возвратиться скорѣе, чѣмъ вы обнадѣживаете насъ; всеобщее спокойствіе было бы слѣдствіемъ его возвращенія. Преданный вамъ другъ Л. Васильчиковъ.

XI.

Спб., 3 декабря 1820 г.

Милостивый государь, князь Петръ Михайловичъ! Повелѣніе вашего сіятельства отъ 7-го ноября, за № 2,026, я получилъ и рѣшился отвѣчать вамъ письмомъ для того, что не почитаю удобнымъ приступить вдругъ къ исполненію онаго. Воспретить нижнимъ чинамъ иногда поподчивать приходящихъ къ нимъ родственниковъ или земляковъ, было бы лишить ихъ, по несчастью, лучшаго удовольствія безъ большой нужды, тогда какъ они могутъ сіе дѣлать въ казармахъ въ виду фельдфебеля и дежурныхъ, кои, безъ сомнѣнія, не допустятъ ихъ до шума, непристойностей или безпорядковъ. Такое внезапное воспрещеніе, особенно при недавно минувшемъ происшествіи, можетъ имъ вселить невыгодное для начальства подозрѣніе. При семъ нужнымъ считаю присовокупить, что пьянство между воинскими нижними чинами всегда существовало и въ послѣднее время нисколько не увеличилось, если не уменьшилось противу прежняго. Уничтоженіе продажи вина въ казармахъ, или ограниченная въ нихъ выдача онаго не удержитъ отъ пьянства тѣхъ, кои хотятъ напиться; трудно усмотрѣть, чтобы они не могли купить вина посредствомъ живущихъ въ полкахъ офицерскихъ людей, или чрезъ постороннихъ. Доказательство тому изволите усмотрѣть даже въ тѣхъ запискахъ, которыя отъ васъ ко мнѣ препровождены при вышеозначенномъ предписаніи: въ оныхъ въ двухъ сказано, что одинъ рядовой графа Аракчеева полка напился въ преображенскихъ, а другой въ московскихъ казармахъ; въ обоихъ сихъ полкахъ вино покупается токмо по мѣрѣ истинной надобности, и то въ самомъ маломъ количествѣ.

Впрочемъ, уничтоженіе продажи вина въ казармахъ со временемъ необходимо. О перемѣнѣ положенія насчетъ сего предмета я займусь особенно, и обдумавъ оное, какъ должно, буду имѣть честь представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства. Между тѣмъ временемъ словесно прикажу господамъ полковымъ и другимъ частнымъ начальникамъ о исполненіи предписаннаго въ помянутомъ повелѣніи за № 2,026, и притомъ самъ наблюдать буду за исполненіемъ онаго.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Ларіонъ Васильчиковъ.

С.-Петербургъ, № 3,553. Декабря 3-го дня 1820 г. Его сіятельству князю П. М. Волконскому.

Примѣчаніе. Письмо на русскомъ языкѣ; подпись кн. Васильчикова. Отѣтка кн. Волконскаго: «получено 14, партикулярно отвѣчалъ 15 декабря 1820 г.».

Ред.

XII.

И имѣю сообщить вамъ, мой дорогой другъ, только хорошія новости; повидимому, сплехъ окончательно водворяется; сплетни уменьшаются и войска исполняютъ свои обязанности какъ нельзя лучше; все это должно быть приписано вліянію приказа государя *). Я до сихъ поръ воздерживался сообщать вамъ причины, которыя заставляли меня желать, чтобы рѣшеніе его императорскаго величества было-бы отложено до времени его возврата; но такъ какъ вы этого желаете, то я ихъ скажу. Энергическія мѣры, вызванныя важностью обстоятельствъ, навлекли на меня осужденіе всѣхъ тѣхъ, которые не знаютъ ни солдатъ, ни дисциплины; къ этимъ лицамъ присоединились мои личные враги и измѣнническіе мнѣ друзья, которые нашли минуту эту благопріятной для обнаруженія своихъ замысловъ, и искали случая повредить мнѣ; на моей сторонѣ въ первые дни были только одни старики и нѣсколько благомыслящихъ лицъ. Военные, которые по своимъ чинамъ и занимаемымъ ими мѣстамъ могли-бы имѣть вліяніе на общественное мнѣніе, забыли, что въ подобную эту минуту на нихъ лежитъ обязанность (по крайней мѣрѣ въ обществѣ) поддерживать власть, поставленную правительствомъ; они же, напротивъ того, поддались своимъ собственнымъ расчетамъ и громко провозгласили себя защитниками (семеновскаго) полка; такое поведеніе повліяло на мнѣніе казармъ, женщины подняли крики противъ тиранства и нашлись военные, которые, подражая женщинамъ, какъ эхо отвѣчали на подобныя вопли. Это малообдуманное поведеніе сдѣлало мое положеніе весьма щекотливымъ; на всѣ происки я отвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ; убѣжденный въ чистотѣ моей совѣсти, я не обращалъ никакого вниманія на низкія интриги, замышляемыя противъ меня. Однако сплетни и крики все увеличивались, дошло даже до того, что распространился слухъ о томъ, будто во время инспекторскаго смотра, въ августѣ мѣсяцѣ, я запретилъ солдатамъ подавать жалобы **). Возгласы нѣкоторыхъ гвардейскихъ генераловъ, имѣвшихъ цѣлью поддержать ложное мнѣніе такъ-называемой публики, подслушанные полиціей разговоры солдатъ, болтовня офицеровъ, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ своихъ начальниковъ, были, мой дорогой другъ, болѣе чѣмъ достаточными причинами заставить меня желать скорѣйшаго возврата его императорскаго величества, приѣздъ котораго—какъ я полагаю, не былъ

*) См. «Русск. Стар.», т. I, изд. первое, стр. 63; изд. второе, стр. 482.

Ред.

***) Объ этомъ слухѣ, см. въ рассказѣ К. О. Рыгѣва о бунтѣ семеновскаго полка. «Русск. Стар.», 1871 г., т. IV, стр. 535—536.

Ред.

столь отдаленъ. Эти рѣчи, клонившіяся къ оправданію семеновскаго полка—всякую строгую мѣру относительно его обращали въ жестокость. Самое прощеніе—въ ихъ глазахъ—было бы только справедливостью. Таково было положеніе дѣлъ, когда пришелъ приказъ государя. Дѣйствіе его было волшебное: большая часть болтуновъ умоляли и чрезъ нѣсколько дней спокойствіе было восстановлено. Теперь говорятъ, что если бы я дѣйствовалъ вяло, то меня могли бы обвинить въ преступной слабости. Согласитесь, что послѣ всего этого нужно не имѣть здраваго смысла, чтобы полагаться на наше общественное мнѣніе.

Ежедневно чувствую я, дорогой другъ, необходимость учрежденія при моемъ генеральномъ штабѣ хорошо организованной тайной полиціи; я съ первымъ курьеромъ сообщу вамъ мои предположенія относительно этого, а пока долженъ сказать вамъ, что не имѣю ни копѣйки для подобныхъ расходовъ и что я уже затратилъ около 3,000 руб. своихъ собственныхъ денегъ для полученія себѣ необходимыхъ свѣдѣній; прошу выдать мнѣ 5,000 р. до окончанія моихъ проектовъ и устройства всего дѣла надлежащимъ образомъ, соответственно обстоятельствамъ. Кавалергарды спокойны; неудовольствіе, о которомъ мнѣ говорили, произошло вслѣдствіе экономическаго устройства обмундированія; я говорилъ объ этомъ генералу Депрерадовичу, который все уладилъ. Прощайте, мой другъ, сохраните мнѣ вашу дружбу и вѣрьте въ преданность друга Л. Васильчикова.

Помѣта руки кн. Волконскаго: «Получено 14, отвѣчалъ 15 декабря 1820 г. Высочайше повелѣно отпустить пять тысячъ рублей «на извѣстное употребленіе» генераль-адъютанту Васильчикову, о чемъ писано въ Гурьеву 15 декабря. Ред.

XIII.

17-го декабря 1820 г. С.-Петербургъ.

Только что получилъ, дорогой другъ, ваше письмо отъ 3-го декабря, и очень жалѣю, что его императорское величество отказалъ въ производствѣ подпрапорщиковъ, на томъ основаніи, что офицеры ничего не потеряли съ переводомъ въ армію; мнѣ кажется, что было бы справедливо предоставить имъ такое же преимущество. Я не могу также согласиться съ мнѣніемъ, что останавливать производство въ полку—было бы средствомъ прекратить болтовню; напротивъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, этимъ толки лишь увеличатся, такъ какъ наказаніе пало бы не только на виновнаго, но и на невиннаго, что, конечно, произвело бы дурное дѣйствіе; сверхъ того, всѣ болтали и еще болтаютъ, и я не хотѣлъ бы брать на свою совѣсть завѣреніе, будто между кавалергардами болѣе безопасныхъ

людей, чѣмъ гдѣ-либо; эта вещь слишкомъ щекотливая, чтобы не требовать навѣличайшей осмотрительности; невѣрное указаніе повлекло бы несоотвѣтствующія мѣры. и произволъ, во время броженія умовъ. можетъ имѣть прискорбныя послѣдствія. Итакъ, я прошу, какъ необходимую мѣру, дозволить производство въ кавалергардскомъ полку. Что касается до указаній, которыхъ вы у меня спрашиваете, то я могу только отмѣтить три личности. которыя имѣютъ репутацію болтуновъ: полковникъ Шереметевъ, капитанъ кавалергардскаго полка Пестель, и полковникъ московскаго полка Корсаковъ. послѣдній въ особенности человѣкъ безпокойный. Такъ какъ трудно найти вѣрныя доказательства того, что они говорили, то, по моему мнѣнію. необходимо сыскать предлогъ къ ихъ удаленію; иначе переводомъ ихъ безъ вины въ армію придадимъ имъ видъ новыхъ жертвъ самовластиа. дадимъ поводъ къ новымъ выходкамъ противъ произвола и злоупотребленій шпіонства. Вамъ нужно знать, что лишь только получено извѣстіе о скоромъ приѣздѣ Уварова, слухи о прощеніи семеновскаго полка возобновились; утверждали, что государь посылалъ генерала. чтобы собрать о дѣлѣ болѣе точныя свѣдѣнія и что переформированіе семеновскаго полка отложено: эти слухи, поддерживаемые мнѣніемъ даже нѣсколькихъ генераловъ, были раздѣляемы солдатами, и вотъ почему вы увидите въ донесеніяхъ полиціи, что между послѣдними рѣчь идетъ о томъ, чтобы на первомъ парадѣ, по возвращеніи государя, просить прощеніе полку; все это утихнетъ, какъ только новый полкъ будетъ сформированъ и когда ясно увидятъ, что воротить прошлаго нельзя; я не теряю изъ виду всѣхъ этихъ толковъ и постараюсь воспрепятствовать ихъ распространенію.

Посылаю вамъ, мой дорогой другъ, проектъ учрежденія военной полиціи; вы найдете сумму немного великой. но вы очень хорошо знаете, чтобы заставить хорошо служить этихъ мерзавцевъ, необходимо имъ хорошо платить; тяжело быть вынужденнымъ прибѣгать къ такой мѣрѣ. но при настоящихъ обстоятельствахъ необходимо заставить умолкнуть всѣ свои предубѣжденія. Главное условіе, которое отъ меня требуетъ человѣкъ, который берется вести эту часть,—естъ непроницаемая тайна; онъ согласился только для меня взяться за это; эту личность я знаю уже пять лѣтъ: его честность испытана, онъ образованъ, уменъ, скромнъ, преданъ государю и не принадлежитъ ни къ какому обществу; однимъ словомъ, это Грибовскій, бібліотекаръ гвардейскаго генеральнаго штаба и правитель канцеляріи комитета равныхъ; со времени исторіи семеновскаго полка я поручилъ ему на время управленіе этой частью, и могу только похвалить его за дѣятельность и готовность, съ которою онъ занимается. Если его имше-

раторское величество утвердить предлагаемый мною планъ, то я попрошу васъ никому не говорить объ этомъ и самия деньги вручить такимъ образомъ, чтобы не дать ни малѣйшаго подозрѣнія на счетъ существованія этой полиціи.

Что касается до указанія, которое препроводилъ къ вамъ Кочубей о томъ, что говорятъ жены солдатъ (семеновскаго) полка, Закревскій и я всѣми силами старались что-либо заключить изъ этого, но всѣ наши усилія были тщетны. Поведеніе Левашева относительно меня со времени этой исторіи такъ смѣшно, что мнѣ невозможно вѣшать въ дѣло суда, и вотъ почему мы рѣшили, что Закревскій поговорить съ нимъ о помянутомъ сообщеніи; я не желаю подавать и вида вліянія на судъ, который стараются направить противъ меня; я полагаю, что у Левашева довольно ума, чтобы почувствовать необходимость вывести начисто это дѣло. Прощайте, дорогой другъ, да поможетъ небо государю во всѣхъ его предпріятіяхъ и да возвратитъ его къ намъ какъ можно скорѣе, это единственное желаніе моего сердца. Еще разъ прощайте, сохраните мнѣ вашу дружбу и будьте увѣрены въ преданности друга Л. Васильчикова.

(Помѣта кн. Волконскаго: «Получено 2 января, отвѣчалъ 6 января 1821 г.»).

Ред.

XIV.

Кн. Волконскій — Васильчикову.

Лайбахъ, 6 января 1821 г.

Я получилъ ваше письмо, дорогой другъ, отъ 17-го декабря, въ которомъ вы меня просите не останавливать производство въ полку кавалергардовъ; я довелъ эту просьбу до свѣдѣнія его величества; государь согласился исполнить ее; я только что отдалъ приказанія генералу Закревскому, внести о производствѣ въ дневной приказъ. Что касается до трехъ личностей, которыя вы мнѣ называете и которыя болѣе всѣхъ болтаютъ, то его величество думаетъ, что вы должны были бы призвать ихъ въ себѣ, чтобы сдѣлать имъ внушеніе; но если имѣете вѣрныя доказательства, то, безъ всякаго колебанія, можно ихъ перевести въ армию, тѣмъ болѣе, что у насъ есть письмо полковника Корсакова, написанное въ весьма дурномъ смыслѣ. Я буду ждать по этому поводу вашего отвѣта, чтобы перевести ихъ въ армию. Отсылаю вамъ, дорогой другъ, проесть, утвержденный его величествомъ. Деньги, которыя вы спрашивали, отпущены министерствомъ финансовъ „на извѣстное употребленіе“; онѣ будутъ вамъ вручены Закревскимъ безъ всякой формальной бумаги. Закревскій самъ не знаетъ на каковой предметъ эти деньги предназначены. Государь утверждаетъ выборъ личности, которую вы мнѣ

тѣхъ, которые будутъ присуждены въ тѣлеснымъ наказаніямъ; эта мѣра тѣмъ болѣе необходима, что содержаніе въ крѣпости дастъ пищу болтовнѣ въ народѣ и среди солдатъ; конечно, лучше чтобы объ этомъ не было болѣе и толковъ.

Время инспекторскихъ смотровъ скоро настанетъ; полагаю, было-бы благоразумнѣе отложить ихъ до болѣе спокойнаго времени; надо опасаться, что солдаты будутъ подавать необдуманныя жалобы, а при настоящихъ обстоятельствахъ онѣ могли-бы увеличить затрудненія и произвести вредное дѣйствіе; я думаю, что, отложивъ смотры до февраля или марта мѣсяца, мы бы выиграли время, дѣло Семеновскаго полка было бы окончательно рѣшено и броженіе умовъ успокоилось бы. Это просто мѣра осторожности, которую я намѣреваюсь принять и которую нахожу необходимой, чтобы не поставить себя понапрасну въ весьма трудное положеніе; вы мнѣ скажете по этому предмету ваше мнѣніе.

До полученія отъ васъ записки, я обратилъ вниманіе на разговоры унтеръ-офицера Гончарова, преображенскаго полка, о которыхъ было мнѣ донесено полиціею. Изъ всѣхъ претензій, о которыхъ упоминалъ унтеръ-офицеръ, одна только справедлива—это деньги, которыя имъ слѣдуютъ за артельныхъ лошадей и за телѣжки; съ тѣхъ поръ какъ я команду гвардейскимъ корпусомъ, переписка насчетъ этого не прекращалась и теперь только оказывается, что въ 1812-мъ году деньги для покрытія этого расхода были назначены, но не дошли до лейбъ-гвардіи; вы увидите изъ бумагъ, которыя я вамъ посылаю, что военный министръ приказываетъ мнѣ не говорить объ этомъ требованіи; я думаю, напротивъ того, что долженъ настаивать на необходимости удовлетворить этой жалобѣ, потому что было бы величайшей несправедливостью лишать солдата законной собственности.

Фраки, о которыхъ въ своемъ письмѣ говоритъ Молчановъ, никогда никому не были позволены и терпимы; но возможно, что эти господа (Семеновскіе офицеры?) носили ихъ самовольно. Завтра всѣ они оставляютъ городъ.

Я васъ убѣдительно прошу, мой другъ, испросить у его императорскаго величества производство въ кавалергардскомъ полку; я скорѣе чѣмъ кто-либо могу судить о дѣйстви подобной мѣры и могу поручиться вамъ, что непроизводство въ этомъ полку—сдѣлало бы болѣе зла, чѣмъ добра. Я всегда возвращаюсь къ тому же принципу, что для того, чтобы наказаніе произвело хорошее дѣйствіе, нужно чтобы оно было основано не на предположеніи и слухѣ, а на дѣйствительныхъ доказательствахъ виновности; если-же таковыхъ нѣтъ, то понятно, что наказаніе заставятъ кричать; вотъ почему я васъ прошу взять въ сооб-

раженіе то, что я вамъ говорилъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ относительно Шереметева, Пестеля и Бурсакова.

Мои генералы крикуны понижаютъ голосъ; они начинаютъ созывать неблагопріистойность своего первоначальнаго поведенія, невозможность оправдать роту его величества (семеновскаго полка), это они заявляютъ и въ салонныхъ разговорахъ; остается желать, чтобы ихъ послѣдующее поведеніе загладило неблагопріятное дѣйствіе ихъ неосторожныхъ разговоровъ.

Панкратьевъ просить шестимѣсячный отпускъ; я думаю что можно согласиться, такъ какъ подъ начальствомъ его находится только одинъ полкъ изъ всей его бригады; его дѣла требуютъ личнаго присмотра. Прощайте, дорогой другъ, будьте здоровы и да возвратитъ васъ небо скорѣе, преданный другъ вашъ Л. Васильчиковъ.

(Помѣта кн. Волконскаго: «получилъ 10, отвѣч. 12 янв. 1821 г.»).

XVI.

Кн. Волконскій—Васильчикову.

Лайбахъ, 12 янв. 1821 г.

Въ отвѣтъ на ваше письмо, дорогой другъ, отъ 24 декабря, я прошу васъ уговориться съ генераломъ Закревскимъ насчетъ различныхъ вопросовъ, которые онъ мнѣ предлагаетъ относительно военнаго суда и о наказаніяхъ, которыя должны послѣдовать, но только послѣ конфирмаціи его величества.

Касательно инспекторскихъ смотровъ я не вижу препятствій къ тому, чтобы они производились нѣсколько позже; тѣмъ болѣе, что мы уже находимся въ половинѣ января и я думаю, что солдаты, которые станутъ подавать неосновательныя жалобы, должны быть наказаны и тѣмъ строже, чѣмъ жалобы незначительнѣе и несправедливѣе: нельзя позволять солдатамъ подавать ложныя доносы и много болтать. Строгость, но строгость справедливая—никогда не устрашала нашего солдата, напротивъ я часто слышала, какъ они хвалили за это своихъ начальниковъ.

Посылаю съ этимъ же курьеромъ приказъ его величества министру финансовъ уплатить вамъ сумму на содержаніе полковыхъ лошадей. Увѣдомляю, что его величество произвелъ всѣхъ юнкеровъ; государь не хотѣлъ дать имъ офицерскаго чина въ то время, когда они оставляли полкъ, единственно по той причинѣ, чтобы не обидѣть тѣхъ, которые хорошо служатъ въ другихъ полкахъ гвардіи и которые, тѣмъ не менѣе, остаются еще продолжать службу подпрапорщиками.

Приказъ о производствѣ офицеровъ кавалергардскаго полка уже отданъ, и я говорилъ уже объ этомъ въ послѣднемъ письмѣ. Государь

разрѣшить отпускъ Панкратьеву на четыре мѣсяца съ цѣлью не нарушить правила, а если дѣла его не могутъ быть окончены въ продолженіи этихъ четырехъ мѣсяцевъ, тогда можно будетъ дать отсрочку на два мѣсяца, что составитъ шесть, которые онъ и просить; такимъ образомъ не будетъ нарушенъ порядокъ, который нужно соблюдать.

Генераль Закревскій сообщить вамъ свѣдѣніе, посланное мною относительно унтеръ-офицера семеновскаго полка, который заключенъ въ Шлиссельбургской крѣпости за извѣстные разговоры; онъ совпался, что былъ въ крѣпости у солдатъ 1-го баталіона, переодѣтымъ въ мундиръ фуришадской команды и что онъ посланъ былъ капитаномъ Муравьевымъ, доставившимъ ему и эту форму. Надо произвести по сему предмету строжайшее дознаніе и сообщить мнѣ подробности о томъ, какъ это случилось и какимъ образомъ караулъ могъ пропускать къ арестантамъ посторонніа лица.

Его величество поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы слѣдили за болѣе частымъ чтеніемъ во всѣхъ полкахъ воинскаго артикула Петра Великаго, особенно статей о дисциплинѣ, о недопущеніи сходокъ съ цѣлью подавать жалобы, и чтобы все это какъ можно лучше было объясняемо солдатамъ полковыми аудиторами.

Государь находитъ также, что всѣ генералы вообще мало посѣщаютъ солдатскія казармы внѣ времени отправленія службы; его величество желалъ бы, чтобы по вашему примѣру и другіе ходили въ казармы одни, никого не предупреждая и въ различные часы; наблюдали бы что дѣлаютъ солдаты, какъ они ѣдятъ, не недостаетъ ли имъ чего-нибудь, и почаще разговаривали бы съ ними внѣ строевой службы; слушали бы ихъ жалобы, и по возможности удовлетворяли бы ихъ просьбамъ, стараясь приобрести этимъ ихъ привязанность и уваженіе, которое тѣ должны имѣть къ своимъ начальникамъ за родительское о нихъ попеченіе.

Примѣч. Письмо черновое, набросано карандашомъ.

Ред.

Сообщ. кн. П. Д. Волконскій.

